

Брюсу Тейлору

И автор записок, и самые «Записки», разумеется, вымышлены. Тем не менее такие лица, как сочинитель таких записок, не только могут, но даже должны существовать в нашем обществе, взяв в соображение те обстоятельства, при которых вообще складывалось наше общество. Я хотел вывести перед лицо публики, повиднее обыкновенного, один из характеров протекшего недавнего времени. Это — один из представителей еще доживающего поколения. В этом отрывке, озаглавленном «Подполье», это лицо рекомендует самого себя, свой взгляд, и как бы хочет выяснить те причины, по которым оно явилось и должно было явиться в нашей среде. В следующем отрывке придут уже настоящие «записки» этого лица о некоторых событиях его жизни.

Федор Достоевский. Записки из подполья

Бытует мнение, что хорошие манеры говорят о сердечности и доброжелательности. Но это совсем не так. Любое, даже самое хамское, поведение можно представить в рамках приличий. Для этого и существует цивилизация — чтобы все были взаимно вежливыми и не выказывали враждебности. Например, натуралистическое движение шестидесятых, когда последователи Руссо задавались вопросом: «Почему нельзя говорить то, что думаешь?» — было в корне неверным. В цивилизованном обществе должны быть какие-то ограничения. Если бы каждый давал волю своим порывам, мы бы давно уже поубивали друг друга.

Мисс Безупречные Манеры (Джудит Мартин)

И вот все развалилось,
Но никому не было дела.

Talking Heads

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

«Оставь надежду всяк сюда входящий» — криво выведено кроваво-красными буквами на стене Химического банка на углу Одиннадцатой и Первой. Буквы достаточно крупные, так что их видно с заднего сиденья такси, зажатого в потоке машин, который двигается с Уолл-стрит. В тот момент, когда Тимоти Прайс замечает надпись, сбоку подъезжает автобус и реклама мюзикла «Отверженные» у него на борту закрывает обзор, но двадцатипятилетний Прайс, который работает в Pierce & Pierce, этого, кажется, даже не замечает... Он обещает водителю пять долларов, если тот включит музыку погромче; на радио WYNN играет «Be My Baby», и черный шофер (видно, что он не американец) прибавляет звук.

— Я находчив, — говорит Прайс. — Я личность творческая. Я молод, беспринципен, высокомотивирован и хорошо образован. В сущности, я утверждаю, что общество не может позволить себе потерять меня. Я — его *актив*.

Прайс успокаивается и по-прежнему смотрит в грязное стекло такси, вероятно уставившись на слово «СТРАХ», выведенное красным графитом на стене «Макдональдса» на углу Четвертой и Седьмой.

— Я хочу сказать, что факт остается фактом: всем наплевать на свою работу, все ненавидят свою работу, я ненавижу свою работу, *ты* мне говорил, что ненавидишь свою. И что мне делать? Вернуться в Лос-Анджелес? Не вариант! Я не для того переводился из Ю-Си-Эл-Эй в Стэнфорд. Ну то есть не один ведь я считаю, что мы зарабатываем мало денег?

Как в кино, появляется еще один автобус, и еще одна реклама «Отверженных» закрывает надпись на стене. Это другой автобус, потому что кто-то нацарапал на лице Эпонины «ЛЕСБИ».

— У меня здесь кооператив! — выкрикивает Тим. — У меня, черт возьми, квартира в *Хэмптонах*.

— Родительская, чувак. Родительская.

— Я *покупаю* ее у них. Ты, блядь, *прибавишь* звук? — рассеянно огрызается он на шофера; на радио по-прежнему играют *Crystals*.

Кажется, шофер говорит, что громче не делается.

Не обращая на него внимания, Тимоти продолжает:

— Я бы мог остаться в этом городе, если бы в такси установили магнитолы *Blaupunkt*. С динамиками ODM-три или ORC-два... — его голос смягчается, — или те, или другие. Круто, чувак, очень круто.

Не прекращая жаловаться, он снимает с шеи наушники дорожного плеера.

— Честное слово, ненавижу жаловаться — на мусор, на помойки, на болезни, на вечную грязь в этом городе, — мы-то с тобой оба знаем, какой это *свинарник*...

Продолжая говорить, Прайс открывает свой новый дипломат *Tumi* из телячьей кожи, купленный в *D. F. Sanders*. Он укладывает туда плеер рядом с мобильным телефоном *Easa* (раньше у него был *NEC 9000 Porta*) и вынимает сегодняшнюю газету.

— В одном номере — в *одном* номере — давай посмотрим... задушенная топ-модель, младенец, сброшенный с крыши высотного здания, дети, убитые в метро, коммунистическая сходка, замочили крупного мафиози, нацисты, — он возбужденно листает страницы, — больные СПИДом бейсболисты, опять какое-то говно насчет мафии, пробка, бездомные, разные маньяки, педики на улицах мрут как мухи, суррогатные матери, отмена какой-то мыльной оперы, дети проникли в зоопарк, замучили несколько животных, сожгли их заживо... опять нацисты... Самое смешное, что все это происходит здесь, в этом городе, а не где-нибудь там, именно здесь, вот такая фигня, ну-ка подожди. Опять нацисты, пробка, пробка, торговля детьми, дети на чер-

ном рынке, дети, больные СПИДом, дети-наркоманы, здание обрушилось на грудного ребенка, дети-маньяки, автомобильная пробка, обвалился мост... — Прайс умолкает, переводит дыхание и спокойно говорит, глядя на попрошайку на углу Второй и Пятой: — Двадцать четвертый за сегодня. Я считал. — Потом, не поднимая глаз, спрашивает: — Почему ты не носишь с серыми брюками темно-синий шерстяной пиджак?

На Прайсе шестипуговичный костюм от Ermenegildo Zegna (шерсть с шелком), хлопчатобумажная рубашка с двойными манжетами от Ike Behag, шелковый галстук от Ralph Lauren и кожаные остроносые ботинки от Fratelli Rossetti. Он уткнулся в «Post». Там сравнительно интересная история о том, как двое людей таинственно исчезли с вечеринки, проходившей на яхте одной нью-йоркской полузнаменитости, пока судно кружило вокруг острова. Никаких следов, только пятна крови и три разбитых стакана из-под шампанского. Подозревают, что дело нечисто, — по характерным царапинам и зазубринам на палубе полиция полагает, что орудием убийцы был мачете. Тела не обнаружены. Подозреваемых нет. Прайс завелся еще за обедом, не уgomонился он и во время партии в сквош и продолжил выступление в баре «У Гарри». Там после трех виски «J&V» с содовой он перешел на счета Фишера, которыми занимается Пол Оуэн. Прайс не может заткнуться.

— Болезни! — восклицает он, и его лицо кривится от боли. — Есть теория, что если ты подхватил СПИД, *переснав* с инфицированным человеком, то можешь заодно подхватить *что угодно*, даже то, что вирусом не передается, — болезнь Альцгеймера, мускульную дистрофию, гемофилию, лейкемию, анорексию, рак, рассеянный склероз, муковисцидоз, церебральный паралич, диабет, дислексию, господи, — от *низды* можно заработать дислексию...

— Я не уверен, но, по-моему, дислексия не вирус.

— Кто его знает? *Они* не знают. Это еще надо доказать.

Снаружи, на тротуаре, черные разжиревшие голуби дерутся за остатки хот-догов перед киоском «Папайя Грея», трансвеститы лениво наблюдают за ними, полицейская машина

бесшумно едет не в том направлении по улице с односторонним движением, небо низкое и серое.

Из такси, которое остановилось напротив, какой-то парень, очень похожий на Луиса Каррузерса, машет Тимоти рукой. Тимоти не отвечает на приветствие, и парень (волосы зачесаны назад, подтяжки, очки в роговой оправе) понимает, что обознался, и возвращается к своему номеру «USA Today». По тротуару, с плеткой в руках, бредет отвратительная бездомная старуха, потупив взор. Она щелкает плеткой, но голуби не обращают на нее внимания, продолжая клевать и отчаянно драться за остатки хот-догов. Полицейская машина исчезает на въезде в подземную стоянку.

— Но когда ты доходишь до того, чтобы абсолютно, полностью принять окружающий мир, когда ты как-то *настраиваешься* на это безумие и все обретает смысл, а потом вдруг раз — и мы получаем какую-нибудь мудацкую сумасшедшую негритянку-бомжиху, которой на самом деле *нравится* — послушай меня, Бэйтмен, — ей нравится жить на улице, на этих вот улицах, посмотри, вот на этих, — он тычет в окно, — а наш мэр не желает считаться с ее желанием, не дает этой суке сделать по-своему... Господи боже... не дает этой ебаной суке замерзнуть насмерть, помогает ей выбраться из ею же самой созданной нищеты, и, видишь, — ты опять там же, откуда начал, растерянный, охувевший... Двадцать четыре, нет, двадцать пять... А кто будет у Эвелин? Подожди, дай угадаю. — Он поднимает руку с безукоризненным маникюром. — Эшли, Кортни, Малдвин, Марина, Чарльз... я пока прав? Может быть, какие-то богемные дружки Эвелин, эти художники из господи-ты-боже-мой-Ист-Виллидж. Ну, ты понимаешь, о ком я... Они спрашивают у Эвелин, нет ли у нее хорошего *белого шардоне*... — Он хлопает себя рукой по лбу, закрывает глаза и бормочет сквозь зубы: — Все, ухожу. Бросаю Мередит. Она просто *заставляет* меня любить ее. Меня достало. Почему я только сейчас понял, что она — типичная ведущая телешоу?.. Двадцать шесть, двадцать семь... Я говорю ей, что я — человек чувствительный. Я ей говорил, что очень расстроился, когда разбился «Челленджер»... чего

ей еще надо?! Я человек нравственный и терпимый, я доволен жизнью, я смотрю в будущее с оптимизмом — ты ведь тоже?

— Разумеется, но...

— А от нее получаю одно дерьмо... Двадцать восемь, двадцать девять, ебаный в рот, да тут у них просто *гнездо*. Говорю тебе... — Он вдруг замолкает, словно задохнувшись, — наверное, вспомнил о чем-то важном — и, отвернувшись от очередной рекламы «Отверженных», спрашивает: — Ты читал о ведущем того телешоу? Который убил двух подростков? Пидор и извращенец. Смех, да и только.

Прайс ждет реакции. Ее нет. И вдруг уже Уэст-Сайд. Он просит таксиста остановиться на углу Восемьдесят первой и Риверсайд, поскольку по улице нет проезда.

— Чтобы не объезжать... — начинает Прайс.

— Может, я по-другому объеду, — говорит шофер.

— Не надо. — И чуть потише, но все же достаточно громко, стиснув зубы и без улыбки: — Мудила ебаный.

Таксист останавливает машину. Два такси сзади сигналият и проезжают мимо.

— Может, купим цветов?

— Что? Черт, это же ты ее пялишь, Бэйтмен. А цветы покупаем мы? Надеюсь, найдется сдача с полтинника, — предупреждает он водителя, косясь на красные цифры на счетчике. — Черт. Это все стероиды. Поэтому я такой нервный. Извини.

— Я думал, ты их больше не принимаешь.

— У меня на руках и ногах появились, прикинь, прыщи, ультрафиолетовые облучения не помогали, вместо этого я начал ходить в обычный солярий, и все прошло. Господи, Бэйтмен, ты бы видел, какой *рельефный* у меня живот. Идеальный живот. Крепкий, подтянутый... — произносит он странным, рассеянным тоном в ожидании, когда таксист отдаст сдачу, — в общем, рельефный.

Он не дает таксисту чаевых, но тот все равно искренне доволен. «Ну, пока, Шломо», — подмигивает ему Прайс.

— Черт, черт, проклятье, — говорит он, открывая дверцу. Выйдя из машины, он замечает нищего. — Я выиграл: тридцать.

Небритый, с жирными, зализанными назад волосами нищий одет в страшно засаленное грязно-зеленое полупальто. Прайс в шутку придерживает перед ним открытую дверцу такси. Бродяга смущается и, стыдливо опустив глаза, протягивает нам пустой пластиковый стаканчик из-под кофе.

— Как я понимаю, машина ему не нужна, — хмыкает Прайс, захлопывая дверцу. — Спроси, принимает ли он American Express.

— Ты принимаешь AmEx?

Бродяга утвердительно кивает и, шаркая, медленно уходит.

Для апреля холодновато. Прайс бодро шагает к дому Эвелин, насвистывая песенку «If I Were a Rich Man»¹; его теплое дыхание вырывается изо рта облачками пара, он размахивает кожаным дипломатом Tumi. Нам навстречу идет человек с зачесанными назад волосами, в роговых очках, одетый в бежевый двубортный костюм из шерсти с габардином от Cerruti 1881, в руках у него — точно такой же кожаный дипломат Tumi из D. F. Sanders. Тимоти изумляется вслух:

— Это Виктор Пауэлл?! Не может быть.

Мужчина проходит под неоновым светом фонаря, и лицо у него испуганное. На мгновение его губы складываются в подобие улыбки, он смотрит на Прайса как на знакомого, но быстро соображает, что обознался; до Прайса тоже доходит, что это не Виктор Пауэлл, и мужчина проходит мимо.

— Слава богу, — бормочет Прайс, подходя к дому Эвелин.

— И вправду, очень похож.

— Пауэлл на ужине у Эвелин! Это как пейсли с шотландкой. — Прайс на секунду задумывается. — Нет, я бы даже сказал: как белые носки с серыми брюками.

Камера медленно наезжает, и вот Прайс уже поднимается на крыльцо дома, который для Эвелин купил ее отец, — он поднимается и ворчит, что забыл вернуть кассеты в видеопрокат. Звонит в дверь. Из соседнего дома выходит женщина — высокие каблуки, великолепная задница — и уходит, не заперев дверь.

¹ «Если бы я был богатым» (англ.).

Прайс провожает ее взглядом, но, услышав приближающиеся шаги, сразу же поворачивается и поправляет галстук от Versace, готовясь предстать во всей красе, кто бы ему ни открыл. Дверь открывает Кортни. На ней кремовая шелковая блузка от Krizia, твидовая, цвета ржавчины юбка от Krizia и туфли d'Orsay из шелкового атласа (Manolo Blahnik).

Я вздрагиваю и протягиваю ей свое черное шерстяное пальто от Giorgio Armani, она берет его, осторожно касаясь губами воздуха у моей правой щеки, а потом точно так же целует Прайса, принимая и его пальто от Armani. В гостиной тихо играет новый компакт Talking Heads.

— Опаздываете, мальчики, — скалится Кортни.

— Попался придурок-таксист с Гаити, — мямлит Прайс, в свою очередь касаясь губами воздуха возле ее щеки. — У нас заказан столик где-нибудь? Только не говори, что на девять в «Пастелях».

Кортни улыбается и вешает оба пальто в стенной шкаф.

— Сегодня, мои дорогие, мы едим дома. Знаю-знаю — я пыталась отговорить Эвелин, но тем не менее у нас будет... суши.

Тим проходит мимо нее в кухню.

— Эвелин? Где ты, Эвелин? — зовет он нараспев. — Нам надо поговорить.

— Рад тебя видеть, — говорю я Кортни, — замечательно выглядишь. Лицо у тебя... так и сияет молодостью.

— Ты, Бэйтмен, знаешь, чем обаять даму. — В голосе Кортни нет ни капли сарказма. — Рассказать Эвелин про твой комплимент? — кокетливо спрашивает она.

— Нет, — отвечаю я. — Но даже не сомневаюсь, что ты бы с радостью.

— Пойдем, — говорит она, снимает с талии мои руки и кладет свои руки мне на плечи, подталкивая меня в сторону кухни. — Надо спасти Эвелин. Она уже час раскладывает суши. Пытается выложить твои инициалы: «П» — желтохвостом, а «Б» — тунцом, но ей кажется, что тунец выглядит слишком бледно...

— Как романтично.

— ...и желтохвоста не хватает, чтобы закончить «Б». — Кортни вздыхает. — Так что, мне кажется, она выложит инициалы Тима. Ты ведь не возражаешь? — спрашивает она с легким беспокойством. Кортни — подруга Луиса Каррузерса.

— Я ужасно ревную, и мне, пожалуй, надо поговорить с Эвелин, — отвечаю я, и Кортни мягко вталкивает меня в кухню.

Эвелин стоит возле кухонной стойки из светлого дерева. На ней кремовая шелковая блузка от Kizia и твидовая, цвета ржавчины юбка от Kizia, точно такие же, как у Кортни, и такие же туфли d'Orsay из шелкового атласа. Длинные светлые волосы собраны в строгий пучок, и она здоровается со мной, не поднимая глаз от овального, из нержавеющей стали блюда Wilton, на котором она художественно разложила суши.

— Ты уж прости меня, милый. Я хотела пойти в это очаровательное салвадорское бистро в Ист-Сайде...

Прайс громко стонет.

— ...но мы не смогли заказать столик. Тимоти, перестань стонать! — Она берет очередной кусок желтохвоста и осторожно кладет его в верхнюю часть блюда, завершая фигуру, похожую на заглавную букву «Т». Потом отступает на шаг и придирчиво изучает свое творение. — Даже не знаю. Нет, правда, не знаю.

— Я же просил тебя купить «Финляндию», — бурчит Тим, просматривая бутылки (в основном большие, на две квартиры). — У нее никогда нет «Финляндии», — обращается он ко всем.

— Господи, Тимоти. Чем тебе «Абсолют» не нравится? — спрашивает Эвелин и задумчиво обращается к Кортни: — Калифорнийские роллы лучше разложить по краям, да?

— Давай выпьем, Бэйтмен, — вздыхает Тимоти.

— Мне «J&V» со льдом, — говорю я и вдруг думаю: как странно, что Мередит не пригласили.

— Господи, смотрится отвратительно, — говорит Эвелин со слезами в голосе. — Я сейчас точно расплачусь.

— А мне кажется, изумительно смотрится, — говорю я.

— Отвратительно, — причитает она, — отвратительно.

— Да нет же, нет. Суши выглядят изумительно, — говорю я и, пытаясь утешить Эвелин, беру кусок палтуса, запихиваю

его себе в рот, мычу от удовольствия и обхватываю Эвелин сзади; рот набит рыбой, но мне удастся сказать: — И очень вкусно.

Она игриво бьет меня по рукам, моя реакция ей явно понравилась, чмокает воздух возле моей щеки и поворачивается к Кортни. Прайс вручает мне стакан и идет в гостиную, пытаюсь стряхнуть с пиджака невидимую пылинку:

— Эвелин, у тебя есть платяная щетка?

Вместо этого ужина я бы лучше остался дома и посмотрел бы бейсбол, или сходил бы в тренажерный зал, или наведался бы в тот сальвадорский ресторанчик, который пару раз похвалили, один раз в журнале «New York», а второй — в «Times». Однако вечеринки у Эвелин хороши тем, что это недалеко от моего дома.

— Ничего, если соевый соус будет не совсем комнатной температуры? — спрашивает Кортни. — По-моему, там одно блюдо со льдом.

Рядом с изящной фарфоровой соусницей Эвелин аккуратно выкладывает бледно-оранжевые кусочки имбиря.

— Нет, так не пойдет. Патрик, будь пай-мальчиком, принеси пиво из холодильника. — Кажется, имбирь ее достал, она швыряет всю горсть на поднос. — Ладно, не надо. Я сама.

Я все равно иду к холодильнику. Мрачный Прайс входит на кухню и спрашивает:

— Черт возьми, кто это там в гостинной?

Эвелин изображает святую невинность:

— А кто там?

Кортни предостерегающе хмурится:

— Э-ве-лин. Надеюсь, ты им сказала.

— Кто? — внезапно пугаюсь я. — Виктор Пауэлл?

— Нет, Патрик, это не Виктор Пауэлл, — говорит Эвелин. — Это один мой приятель, художник. Его зовут Сташ. И его подруга Вэнден.

— Ага, стало быть, это *девушка*, — говорит Прайс. — Сходи посмотри, Бэйтмен, оно того стоит. Дай угадаю. Ист-Виллидж?

— Ах, Прайс, — кокетливо произносит Эвелин, открывая бутылки с японским пивом. — А если бы даже Ист-Виллидж? Вэнден учится в Кэмдене, а Сташ живет в СоХо, вот так.

Я выхожу из кухни, иду мимо столовой, где накрыт стол — в подсвечниках чистого серебра от Fortunoff горят восковые свечи от Zona, — и вхожу в гостиную. Непонятно, от кого одевается Сташ, — он весь в черном. У Вэнден зеленые пряди в волосах. Она курит и смотрит видеоклип по «MTV», какой-то хеви-метал.

— Кхе, кхе, — кашляю я.

Вэнден, кажется, обдолбана по самое не могу. Она настороженно оборачивается. Сташ сидит неподвижно.

— Привет. Я Пат Бэйтмен. — Я протягиваю ей руку. Заметив в зеркале на стене свое отражение, улыбаюсь, потому что вижу, как хорошо я выгляжу.

Она молча пожимает мне руку. Сташ нюхает свои пальцы. Быстрая смена кадра — и я снова на кухне.

— Гоните ее отсюда, — бурчит Прайс. — Она зациклена на «MTV», а я хочу посмотреть репортаж Макнила и Лерера.

Эвелин открывает большие бутылки импортного пива и замечает рассеянно:

— Пора уже съесть это, или мы все отравимся.

— У нее зеленые пряди в волосах, — говорю я. — И она *курит*.

— Бэйтмен, — говорит Тим, не сводя глаз с Эвелин.

— Да? — отвечаю я. — Что, Тимоти?

— Ты псих.

— Оставь Патрика в покое, — говорит Эвелин. — Он милый соседский мальчик, вот он кто. Никакой ты не псих, правда, милый?

Эвелин — существо не от мира сего. Я иду к бару, чтобы налить себе еще.

— Милый соседский мальчик, — ухмыляется Тим, а потом снова корчит рожу и раздраженно спрашивает Эвелин, есть ли у нее платяная щетка.

Открыв наконец все бутылки с японским пивом, Эвелин просит Кортни сходить за Сташем и Вэнден.

— Надо все это есть сейчас, а то потом отравимся, — бормочет она и оглядывает кухню, проверяя, не забыла ли она что-нибудь.

— Если удастся оторвать их от последнего клипа Megadeth, — говорит Кортни, выходя.

— Нам надо поговорить, — говорит Эвелин.

Я подхожу к ней:

— О чем?

— Да не с тобой, — говорит она, указывая на Тима. — С Прайсом.

Тим по-прежнему злобно смотрит на нее. Я ничего не говорю, уставившись на его стакан.

— Будь добр, — просит она меня, — отнеси суши на стол. Темпура в микроволновке, саке почти закипело... — Она уводит Прайса из кухни, и я не слышу окончания фразы.

Интересно, где Эвелин взяла суши. Тунец, желтохвост, макрель, креветки, угорь, даже бонито — все свежее; на блюде Wilton продуманно уложены кучки васаби и кусочки имбиря. Но еще больше мне нравится мысль, что я не знаю, никогда не узнаю и никогда не спрошу, откуда все это появилось. Суши будут стоять посреди стеклянного стола из Zona, который купил для Эвелин отец, этакий добрый и всемогущий джинн из арабских сказок, и, ставя блюдо на стол, я мельком ловлю свое отражение на его гладкой поверхности. При свечах моя кожа кажется смуглее, и я отмечаю, что стрижка, сделанная в прошлую среду в Gio, смотрится очень хорошо. Я наливаю себе еще. Меня беспокоит содержание соли в соевом соусе.

В ожидании Эвелин и Тимоти, которые ушли на поиски платяной щетки, мы вчетвером сидим за столом. Я сижу во главе стола и большими глотками пью «J&V». На противоположном конце Вэнден безо всякого интереса читает какой-то богемный журнал под названием «Desertion»¹; заголовок большими буквами — «КОНЕЦ ДАУНТАУНА». Саш вогнал зубочистку в одинокий кусок желтохвоста, лежащий, словно блестящее насекомое, у него на тарелке; зубочистка торчит вертикально. Время от времени Саш выходит из ступора и начинает возить по тарелке кусок суши. Он ни разу не поднял глаз на меня,

¹ «Обман» (англ.).

Вэнден или Кортни. Кортни сидит рядом со мной и потягивает сливовое вино из фужера для шампанского.

Эвелин с Тимоти возвращаются минут через двадцать после того, как мы сели; Эвелин, похоже, слегка раскраснелась — но только слегка. Тим, готовясь сесть рядом со мной, пристально смотрит на меня, стакан у него в руке снова полный. Он наклоняется ко мне, собирается что-то сказать, может быть, в чем-то признаться, но внезапно вмешивается Эвелин:

— Не туда, Тимоти, — а потом шепчет: — Мальчик-девочка, мальчик-девочка, — и указывает рукой на пустой стул рядом с Вэнден.

Глядя на Эвелин, Тимоти нерешительно садится возле Вэнден, которая, откровенно зевая, перелистывает свой журнал.

— Ну, все разом, — с улыбкой произносит Эвелин, довольная своей ролью радушной хозяйки, приготовившей экзотический ужин, — берем и едим.

Заметив пронзенный кусок суши на тарелке у Сташа (теперь Сташ склонился над тарелкой и что-то шепчет), она немного теряется, но мужественно улыбается и щебечет:

— Кто хочет сливового вина?

Все молчат, а потом Кортни, глядя в тарелку Сташа, неуверенно приподнимает стакан и, пытаясь изобразить улыбку, говорит:

— Просто... божественно, Эвелин.

Сташ молчит. И хотя, вероятно, он себя чувствует несколько неуютно в нашей компании, потому что совсем не похож на остальных присутствующих мужчин (его волосы не зачесаны назад, у него нет подтяжек и очков в роговой оправе; он весь в черном, одежда плохо на нем сидит; он не выказывает желания закурить, пососать сигару; он, скорее всего, не способен заказать столик в «Верблюдах»; он ничего из себя не представляет), — и все же в его поведении не ощущается никакой скованности, его словно загипнотизировало блестящее суши, и, когда наконец все готовы окончательно забыть о Сташе, отвести глаза и приступить к еде, он выпрямляется и говорит, тыкая пальцем в свою тарелку:

— Оно шевелится.

Тимоти смотрит на него с таким жгучим презрением, до которого мне, признаюсь, далеко. Но я очень стараюсь не отставать. Вэнден вроде бы забавляется, и Кортни, как ни печально, тоже. У меня возникает стойкое подозрение, что ей даже нравится эта обезьяна. Правда, если бы я ходил на свидания с Луисом Каррузерсом, мне бы, наверное, он тоже понравился. Эвелин, добродушно смеясь, замечает:

— Сташ, ты такой выдумщик! — а потом озабоченно предлагает: — Кому температуры?

Чтоб вы знали: Эвелин — исполнительный менеджер в финансовой компании.

— Мне, — говорю я и подцепляю с блюда кусочек баклажана, который есть все равно не буду, потому что он жареный.

Все накладывают еду в тарелки, успешно игнорируя Сташа. Я наблюдаю за тем, как Кортни жует и глотает.

После долгой и вроде как глубокомысленной паузы Эвелин говорит, пытаясь завязать разговор:

— Вэнден учится в Кэмдене.

— Правда? — ледяным голосом произносит Тимоти. — А это где?

— В Вермонте, — отвечает Вэнден, не отрываясь от журнала.

Я смотрю на Сташа. Мне интересно, как он воспримет эту наглую и вопиющую ложь, но он как будто не слышит. Можно подумать, что он вообще не здесь, а где-то совсем в другом месте, может быть, в другой комнате или в каком-нибудь панковском клубе где-нибудь в злачном районе. Все остальные ведут себя точно так же, и это меня беспокоит, поскольку и мне, и всем известно, что Кэмден находится в Нью-Гэмпшире.

— А ты где училась? — вздыхает Вэнден, когда до нее наконец доходит, что Кэмден здесь никого не интересуется.

— Ну, я училась в Ле-Росэ, — говорит Эвелин. — А потом в бизнес-школе в Швейцарии.

— Я тоже училась в Швейцарии в бизнес-школе, — говорит Кортни. — Только я — в Женеве, а Эвелин — в Лозанне.

Вэнден кидает журнал «Description» рядом с Тимоти и усмеяется — криво и по-стервозному. Меня злит, что Эвелин

терпит эту снисходительность Вэнден и не может достойно ответить, но благодаря виски «J&V» мой стресс уменьшился до такой степени, что я вообще молчу. Эвелин, вероятно, считает Вэнден милой девочкой, растерянной и смущенной — *человеком искусства*. Прайс с Эвелин ничего не едят; я подозреваю, что это все кокаин, хотя и не уверен. Отхлебнув из стакана, Прайс берет в руки журнал «Deception» и хмыкает.

— «Конец Даунтауна!» — восклицает он, тыкая в каждое слово заголовка. — Кого... трясет чужое горе?

Я почему-то жду, что Сташ перестанет созерцать свою тарелку, но он продолжает смотреть на одинокий кусок суши, улыбаясь своим мыслям и качая головой.

— Эй, — произносит Вэнден так, словно ее глубоко оскорбили. — Это касается всех нас.

— Ой-ой-ой, — говорит Тим предостерегающе, — это касается всех нас? А как насчет резни в Шри-Ланке, моя дорогая? Разве она нас не касается? Шри-Ланка, а?..

— «Даунтаун» — клевый клуб в Виллидже, — пожимает плечами Вэнден. — И нас это тоже касается.

Неожиданно Сташ говорит, не поднимая глаз от тарелки:

— Это называется *Тонка*. — Похоже, он раздражен, но его голос звучит ровно и тихо. Он по-прежнему смотрит на суши. — Не Шри-Ланка, а Тонка. Понятно? Тонка.

Вэнден опускает глаза и кротко произносит:

— Ага.

— Ты, вообще, знаешь, что там происходит, в Шри-Ланке? Как там сикхи сотнями убивают израильтян? — подначивает ее Тимоти. — Разве это нас не касается?

— Кому ролл кашпамаки? — бодро перебивает его Эвелин, поднимая поднос.

— Ладно, Прайс, не заводись, — говорю я. — У нас есть проблемы и поважней Шри-Ланки. Конечно, внешняя политика — это важно, но у нас есть более насущные проблемы.

— Что, например? — говорит он, по-прежнему глядя на Вэнден. — И кстати, почему у меня в соевом соусе плавает лед?

— Ну... — неуверенно начинаю я, — ну, нам надо покончить с апартеидом, это раз. Остановить гонку ядерных вооружений,

побороть мировой терроризм и голод. Обеспечить надежную армию, предотвратить распространение коммунизма в Центральной Америке, установить мир на Ближнем Востоке, сделать так, чтобы Вооруженные силы США не использовались за рубежом. Мы должны сделать Америку сильной и уважаемой мировой державой. Это не преуменьшает значение наших внутренних проблем, которые так же важны, а может быть, и *важнее*. Необходимо улучшать медицинское обслуживание пожилых людей и делать его более доступным, контролировать распространение СПИДа и искать средства для борьбы с ним, оберегать окружающую среду от загрязнения и токсичных отходов; улучшать качество начального и среднего образования; ужесточить законы по борьбе с преступностью и распространением наркотиков. Мы также должны обеспечить среднему классу доступное высшее образование, а пожилым — социальную защиту, а еще нужно бережно относиться к природным ресурсам и охранять заповедники. И уменьшить влияние крайних политических партий.

Все (даже Сташ) таращатся на меня, чувствуя себя неловко. Но меня несет:

— Положение в экономике по-прежнему скверное. Мы должны найти способ сдерживать инфляцию и уменьшить дефицит бюджета. Следует также обеспечить обучение безработных и создать для них рабочие места, равно как и защитить американский рынок рабочей силы от наплыва иностранцев-нелегалов. Мы должны сделать так, чтобы Америка стала лидером в передовых технологиях. В то же время нужно заботиться об экономическом росте и развитии деловой активности; упорно бороться против федеральных налогов на доходы; снижать процентные ставки, создавать благоприятные условия для развития мелкого предпринимательства, контролировать слияния крупных корпораций и их сделки.

После этого заявления Прайс едва не выплевывает «Абсолют», а я пытаюсь посмотреть в глаза каждому, особенно в глаза Вэнден: если бы она состригла зеленые пряди, перестала носить черную кожу, чуточку порозовела (может, пошла бы

на аэробику) и надела бы нормальную блузку, что-нибудь от Laura Ashley, — она могла бы быть очень даже хорошенькой. Но почему она спит со Сташем? Он бледный, рыхлый, плохо подстриженный, и лишнего веса в нем как минимум фунтов десять: под черной майкой и в помине нет никакой мускулатуры.

— Но и про социальные потребности тоже нельзя забывать. Нельзя допустить, чтобы люди бесконтрольно пользовались системой социальной помощи. Мы должны обеспечить бездомных пищей и кровом, противостоять расовой дискриминации, защищать гражданские права и женское равноправие и вместе с тем следует изменить закон об абортах так, чтобы он защищал право на жизнь и в то же время давал женщинам свободу выбора. Необходим жесткий контроль за нелегальной эмиграцией. Мы должны вернуться к традиционным нравственным ценностям, запретить порнографию и насилие на телеэкране, в кино и в популярной музыке — везде. Самое главное: надо воспитывать молодежь, чтобы привить ей гражданское самосознание и неприятие грубого материализма.

Я допиваю свой виски. Все уставились на меня и молчат. Кортни улыбается с довольным видом. Тимоти ошеломленно качает головой с явным недоверием. Эвелин, озадаченная поворотом беседы, с трудом встает из-за стола и спрашивает, кто хочет десерт.

— У меня есть... шербет, — произносит она, словно в трансе, — киви, карамбола, черимойя, плод кактуса и эта... как ее... — она прерывает свой монолог зомби и пытается вспомнить название еще одного экзотического фрукта, — ах да, японская груша.

Все по-прежнему молчат. Тимоти бросает на меня быстрый взгляд. Я смотрю на Кортни, потом — снова на Тима, потом на Эвелин. Встретив мой взгляд, Эвелин с беспокойством смотрит на Тима. Я тоже смотрю на Тима, на Кортни, опять на Тима, который еще раз косится в мою сторону и медленно, неуверенно произносит:

— Мне кактусовую грушу.

— *Плод кактуса*, — поправляет Эвелин.

Я с подозрением смотрю на Кортни и после того, как она говорит: «Черимойя», я говорю: «Киви», и тогда Вэнден тоже говорит: «Киви», а Сташ тихо, но очень четко, выговаривая каждую букву, выдает:

— Шоколадные чипсы.

Беспокойство, промелькнувшее при этих словах на лице Эвелин, мгновенно сменяется добродушной улыбкой, похожей на маску. Она говорит:

— Ах, Сташ, ты же знаешь, что у меня нет шоколадных чипсов, хотя, признаюсь, это было бы оригинальное наполнение для шербета. Я же сказала, у меня есть черимойя, кактусовая груша, карамбола, то есть плод кактуса...

— Я слышу, слышу, — отмахивается Сташ. — Тогда сделай мне сюрприз.

— Ладно, — говорит Эвелин. — Кортни, ты мне не поможешь?

— Конечно.

Кортни поднимается из-за стола. Я наблюдаю, как она, стуча каблуками, уходит на кухню.

— Никаких сигар, мальчики, — кричит Эвелин.

— Даже не думал, — говорит Прайс, убирая сигару обратно в карман.

Сташ по-прежнему смотрит на суши так напряженно, что это меня раздражает. Надеюсь, что до него дойдет моя ирония, я интересуюсь:

— Опять шевелится?

Вэнден соорудила у себя на тарелке улыбающуюся рожицу из калифорнийских роллов. Она показывает тарелку Сташу:

— Ну как?

— Круто, — бормочет Сташ.

Эвелин возвращается с шербетом в розеточках Odeon и с непочатой бутылкой виски «Гленфиддик», которая так и остается неоткрытой, пока мы едим шербет.

Кортни должна уйти рано, они с Луисом встречаются на корпоративной вечеринке в «Бедламе» — это новый клуб в центре. Вскоре уходят и Сташ с Вэнден — «зацепить» что-нибудь в СоХо. Я единственный видел, как Сташ взял с тарелки

суши и сунул его в карман своей светло-зеленой кожаной куртки. Когда я сообщаю об этом Эвелин, которая ставит посуду в посудомоечную машину, она смотрит на меня с такой ненавистью, что перспектива вечернего секса становится более чем сомнительной. Но я все равно остаюсь. И Прайс тоже. Он лежит в спальне Эвелин, на ковре Aubusson конца восемнадцатого века, и пьет эспрессо из чашечки Cereline. Я лежу на кровати Эвелин, обхватив гобеленовую подушку от Jenny V. Goode, и потягиваю «Абсолют» с клюквенным соком. Эвелин сидит за туалетным столиком и расчесывает волосы; ее великолепное тело упаковано в шелковый зелено-белый полосатый халат от Ralph Lauren; она рассматривает свое отражение в маленьком зеркале.

— А что, никто, кроме меня, не заметил, что Сташ решил, буд-то его суши... — Я откашливаюсь и продолжаю: — Зверек?

— Пожалуйста, не приглашай больше своих «богемных» друзей, — устало говорит Прайс. — Мне надоело, что за ужином я единственный, кто не разговаривает с инопланетянами.

— Я пригласила их в первый раз, — говорит Эвелин, поглощенная своей безмятежной красотой. Она сосредоточенно рассматривает свои губы.

— А тогда, в «Одеоне»? — бормочет Прайс.

Интересно, а почему меня тогда не пригласили в «Одеон» на ужин с художниками? Неужели Эвелин сама оплатила счет? Наверное. Внезапно я представляю себе, как Эвелин улыбается, сидя за столом, где собрались одни друзья Сташа: все они сооружают у себя на тарелках маленькие домики из ломтиков жареного картофеля; делают вид, что копченый лосось — живой; двигают по столу куски рыбы; рыба беседует с каждым о «художественной жизни» и новых галереях; может быть, они даже пытаются загнать рыбу в домики, сложенные из кусочков жареного картофеля...

— Не знаю, в курсе ли ты, но я тоже с инопланетянами не общалась, — говорит Эвелин.

— Ага, но ты встречаешься с Бэйтменом, что равносильно общению с инопланетянами, — гогочет Прайс.

СОДЕРЖАНИЕ

Первое апреля	9
Утро	34
«У Гарри»	41
«Пастели»	51
«Туннель»	66
Офис	79
Спортивный клуб	84
Свидание	87
Химчистка	99
«У Гарри»	105
«Шезлонги»	112
Совещание	127
Видеопрокат и D'Agostino's	134
У косметолога	137
Свидание с Эвелин	141
Вторник	151
Genesis	159
Ланч	164
Концерт	170
Вторник: послеполуденные обрывки	177
Йельский клуб	182
Убить собачонку	190
Девушки	197
Покупки	208
Рождественская вечеринка	212
«Нелль»	235

СОДЕРЖАНИЕ

Пол Оуэн	252
Paul Smith	260
День рождения, братья	264
Ланч с Бетани	271
Четверг	292
Уитни Хьюстон	298
Ужин с секретаршей	303
Детектив	315
Лето	329
Девушки	334
Атака педика	344
Убийство ребенка в зоопарке	350
Девушки	354
Крыса	361
Еще один вечер	365
Девушка	384
Еще один новый ресторан	388
Попытка приготовить и съесть девушку	404
«Узи» в спортзале	407
Погоня, Манхэттен	408
Huey Lewis and the News	414
В постели с Кортни	423
«Смит и Волленски»	425
Телевизионное	427
Сэндстоун	428
Лучший город для бизнеса	430
Тренировка	434
Конец 80-х	434
Аспен	446
День святого Валентина	447
Нищий на Пятой	450
Новый клуб	452
Таксист	455
«У Гарри»	461
Примечания. А. Гузман	468